

ФИЛОСОФИЯ

УДК 316.33

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ КАК МОДЕРНИЗАЦИОННЫЙ РЕСУРС: ТОПОСЫ ПРОШЛОГО В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ЛАНДШАФТЕ

Д. А. Аникин

Саратовский государственный университет
E-mail: dandee@list.ru

Статья посвящена вопросу использования социальной памяти в качестве основного ресурса модернизационных процессов, протекающих в современной России; анализируются актуальные стратегии обращения к прошлому; устанавливается, что российская модернизация характеризуется особыми политическими и социокультурными целями, кардинально не схожими с ориентирами «догоняющей модернизации».

Ключевые слова: социальная память, империя, политика памяти, социальное пространство, символический капитал.

**Social Memory as Modernization Resource:
Top Wasps of the Past in the Russian Political Landscape**

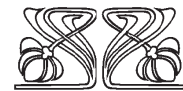
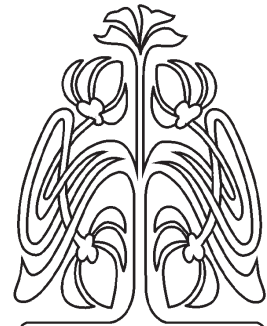
D. A. Anikin

Article is devoted to the question of use of social memory as the main resource of the modernization processes proceeding in modern Russia. The author analyzes actual strategy of the appeal to the past, coming to a conclusion that the Russian modernization is characterized by the special political and sociocultural goals, is cardinal not similar to reference points of «catching-up modernization».

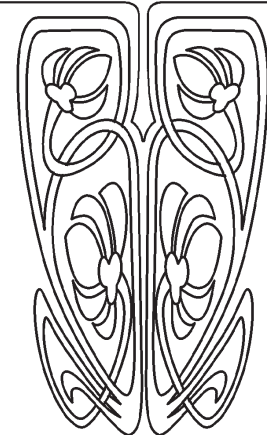
Key words: social memory, empire, policy of memory, social space, symbolical capital.

Проблематика социальной памяти в современной гуманитарной науке становится одной из магистральных тем исследования: недаром в англоязычной науке возник устойчивый термин «memory studies», обозначающий совокупность междисциплинарных методов обращения к способам репрезентации прошлого в изменившемся социальном и политическом контексте. Чем сильнее ощущается разрыв современного общества с предшествующими стадиями социального развития, тем большей оказывается его зависимость от сохранения преемственности. Но речь идет не просто о ностальгии, а о глобальных процессах деконструкции привычного пространства памяти, в результате чего это пространство распадается на отдельные топосы. Утрата онтологической целостности и собственной идентичности даже с относительно недавним прошлым приводит к потребности конструирования того прошлого, которое представляется наиболее адекватным существующему социальному контексту и ориентирам социально-политического развития.

Традиционные подходы к социальной памяти, разрабатывавшиеся в рамках неклассической парадигмы социальной философии, сосредоточивались на отдельных социальных группах либо на обще-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

стве в целом, настаивая на определенной гомогенности социальной памяти, ее возможности *делать людей равными* путем приобщения к общему запасу исторических и социальных знаний. Но изменение предмета исследования влечет за собой и возникновение нового методологического инструментария, отражающего специфические характеристики социальной памяти в современном трансформирующемся мире. Необходимо создание новой теории социальной памяти, способной как синтезировать разработки предшествующих подходов, так и обобщить опыт, полученный в результате исследования современных социальных процессов, поэтому представляется плодотворной разработка *топологического подхода* к социальной памяти, который позволил бы радикально обновить методологическую базу и выработать принципы исследования, реализующиеся в социально-философских и прикладных исследованиях по данной проблематике.

Одной из плоскостей применения данного подхода являются модернизационные процессы в современном российском обществе, в частности, обращение к прошлому в качестве детерминанты той конфигурации будущего, которая выстраивается современными реформами в экономической, технологической и социально-политической сферах. Условием социально-философского анализа данной проблематики является уяснение значения тех категорий, которые используются в дискурсивных практиках власти для обозначения сущности происходящих изменений.

Термин «модернизация» в последние годы становится общеупотребительным не только в научном, но и в политическом дискурсе, что приводит к стереотипизации данного понятия, его восприятию как самодостаточного и не нуждающегося в пояснениях. При этом теряется присущая науке осторожность и, можно сказать, «неуверенность» при употреблении термина «модернизация» по отношению к множеству социальных процессов. Это заставляет обратиться к анализу содержания термина и особенностям модернизационных процессов в современном российском обществе.

Следует отметить, что термин «модернизация», зачастую используемый как синоним понятий «социальная динамика» или «социальное развитие», имеет конкретное содержание, локализуемое как по хронологическим, так и по сущностным критериям. Под модернизацией понимается переход от аграрного общества к индустриальному, «обществу модерна», в более широком смысле модернизация может рассматриваться как «органическая» и «неорганическая». Под первой подразумевается процесс кардинального обновления политических, экономических и культурных структур, порожденный внутренней потребностью общества, например,

формирование буржуазного общества в Западной Европе Нового времени.

Вторая, или «догоняющая» модернизация осуществляется там, где основной импульс развития – не внутренние предпосылки, а стремление к конкуренции с уже модернизированными обществами, т.е. источник модернизации внешний по своему происхождению. При этом методологический импульс 90-х гг. XX в., спровоцированный теоретическими и эмпирическими доказательствами того, что «современность» (Модерн) не может выступать простой антитезой традиции, проявился в формулировании полилинейных моделей модернизации. В них выделяется не только технологические и экономические основания модернизации, но и социокультурные ресурсы. С. Н. Гавров, используя эту методологию, устанавливает, что, несмотря на внешнее сходство, модернизационные процессы, протекающие в различных странах, специфичны¹. Суть этой специфики в том, что культурный и политический контексты осуществления модернизационного проекта задают его ориентиры и значение для данного социума.

Значимо то, что именно в 2012 г., объявленном в России годом истории, прекратила свое существование «Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России», созданная указом Президента РФ Д. А. Медведева в 2009 г. Результаты деятельности этой комиссии оказались невнятными в силу расплывчатого круга задач, стоящих перед ней, в результате чего недовольными оказались как профессиональные историки, так и политики. Историков не устроило, что в рамках деятельности комиссии не «размораживались» отечественные архивы, поскольку любые фальсификации (если под ними подразумевать искажения, действительно, имевших место фактов) могут быть опровергнуты только при наличии соответствующих документов. Политическую верхушку не удовлетворило отсутствие идеологически выдержанной концепции российской истории, которая могла бы внедряться в учебных заведениях и транслироваться в СМИ в тех случаях, когда определенные государства делают шаги, которые могут трактоваться как оскорбления российской государственности. Как нетрудно понять, в этом случае под фальсификациями понимаются не только и не столько искажения фактов, сколько сознательное подчеркивание тех моментов исторического развития, актуализация которых наносит ущерб имиджу Российской Федерации.

Устранение компромиссной структуры, пытавшейся совместить сугубо научные интересы с приоритетами национальной политики, демонстрирует не саму невозможность подобного консенсуса, а, скорее, коррекцию курса, направленную на разработку прикладных методик под-

держания существующей концепции прошлого. Модернизация российского общества, по меткому выражению И. Калинина, подразумевающая сочетание «неолиберальной экономической практики, популистской коммунистической риторики, консервативных ценностей и национальных амбиций»², идет по пути обращения к ресурсам прошлого, пытаясь «спаять» в неразрывное единство те политические конфигурации, которые сменяли друг друга в истории России на протяжении последних десятилетий.

В условиях ускорения социально-экономических преобразований неперенным фактором модернизации социального порядка становится использование социокультурных оснований легитимации будущего. Принципиальное значение для обоснования проективных форм социального бытия приобретает использование образов прошлого, их трансформация в соответствии с целями и задачами модернизации в целом. Таким образом, образы прошлого становятся ресурсом солидаризации социума в условиях комплексных модернизационных изменений, изучение потенциала которого представляется крайне важным как на практическом, так и на методологическом уровнях. По словам Ш. Эйзенштадта, основой любого типа легитимности является «принятие некоей фигуры, события или порядка прошлого (реального или символического) в качестве средоточия коллективной идентичности, указателя пределов и характера социального и культурного порядка. Принятый таким образом центральный символ заключает в себе окончательную санкцию изменений и указание на предел нововведений»³.

Выработка теоретической модели трансформации образов прошлого позволяет обеспечить системный характер происходящих изменений, уменьшает потенциальную рискогенность модернизационных процессов и снижает уровень социальной напряженности в отношениях между культурно-этническими социальными субъектами. Разработка подобной модели должна исходить из решения фундаментального философского вопроса о соотношении модусов восприятия прошлого, их взаимодействия и взаимовлияния. Специфика модернизации современного социума заключается в приоритете интенсивного пути развития. В отличие от индустриального общества, где модернизация достигалась за счет привлечения дополнительных материальных и духовных ресурсов, в условиях постиндустриального общества она основывается на использовании внутренних ресурсов, в связи с чем особую актуальность приобретает вопрос переструктурирования и трансформации тех исторических ассоциаций, которые позволяют соотнести предполагаемый образ будущего с реалиями прошлого.

Понимание механизмов и методов ценностного обоснования модернизации позволяет

по-новому представить и специфику ее целеполагания в условиях российского социума. С. Н. Гавров выражает это предельно четко: «В течение столетий основные усилия в процессе российской модернизации совершались не ради вхождения в западную по своей генеалогии цивилизацию модерности, но ради сохранения, воспроизведения и упрочения империи. Модернизация осуществлялась лишь в целях приведения в более современный и потому конкурентоспособный вид отдельных ее элементов, вынужденные жертвы и отступления в частных, локальных областях совершались ради сохранения и укрепления целого, духа и тела империи»⁴.

В поисках архетипических образцов для подражания авторы и разработчики идеологии модернизации обращаются к тем историческим периодам, которые демонстрируют их в различных сферах общественной жизни, такие образцы могут быть мотивационными доминантами для современного российского общества. Особое внимание при обращении к социальной памяти как социокультурному ресурсу вызывает проблема усвоения и перекодирования советского прошлого. Н. Е. Копосов отмечает, что культурная политика (в том числе, и политика памяти) в России 2000-х гг. постепенно отходит от концепции альтернативности и многовариантности линий исторического развития, обращаясь к «историзации без истории»⁵. Её сущностью является не поиск новых путей развития, а легитимация сложившегося социального и политического порядка. «Исторический поворот в современной мысли ведет к историзму без глобальной истории. Растущее чувство историчности заставляет наших современников все больше и больше мыслить социальные явления как исторические индивидуальности и полагаться на их объяснение из исторического контекста»⁶. При этом в качестве архетипического образца выступает советское прошлое, что порождает иллюзию ностальгической реконструкции тех патерналистских социальных практик, которые отождествляются в массовом сознании с СССР.

В этом контексте принципиально важно мнение И. Калинина, который считает, что пристальное внимание к советскому прошлому еще не означает установку на его реконструкцию, а демонстрирует более универсальную тенденцию современного политического мышления: «Советское последовательно лишается своей исторической специфики как идеологический, политический и социальный опыт, равно как и политэкономическая альтернатива капитализму. Оно перестает восприниматься как целое, отсылающее к какому-то особому историческому контексту, и превращается в органическую часть исторического прошлого российской государственности и национальной традиции»⁷. Иначе говоря, универса-

лизация советского прошлого позволяет «вписать» его в непротиворечивый путь развития российского социума и тем самым встроить массовую ностальгию в социокультурную конфигурацию современного политического порядка.

В современной российской политике памяти, легитимирующей модернизационный политический дискурс, можно различить два уровня обращения к прошлому. На первом, частном происходит обращение к конкретным историческим фактам и событиям (победа в Великой Отечественной войне, освоение космоса, ускоренная индустриализация), демонстрирующим возможность достижения российским обществом отдельных параметров того проекта, который предлагается реализовать в современном российском социальном пространстве. Принцип конкуренции альтернативных стратегий социальной памяти оказывается «вытеснен» целиком и полностью в сферу межгосударственных отношений. Иначе говоря, любое посягательство на символически значимые для российского властного дискурса интерпретации со стороны иностранных государств или общественных организаций рассматривается как элемент политического противостояния. При этом конкуренция во внутриполитическом пространстве сведена к минимуму, т.е. на административном уровне формулируется перечень базовых символических элементов, которые не могут подвергаться сомнению и обсуждаться даже в условиях научной дискуссии. Проблема в том, что ни в одном из приводимых исторических примеров не наблюдается совмещения этих элементов, а в каждом конкретном случае достижения (экономические или культурные) оплачивались громадными издержками в других сегментах социального пространства. Вопрос достижения совокупности параметров, обозначенных в качестве приоритетных для современного российского общества, является неоднозначным, поскольку из сферы общественной дискуссии последовательно изгоняется проблема механизмов обеспечения социокультурной солидарности в процессе осуществления модернизационных процессов.

Второй уровень конфигурирования пространства памяти образуется нивелированием и универсализацией конкретных стадий исторического развития российского общества с целью обозначения его единства в историко-хронологическом аспекте. Еще основоположник исследований социальной памяти М. Хальбвакс отмечал, что память, существующая в определенной социальной группе, характеризуется двумя основными чертами: своеобразием и долговечностью⁸. Свообразие заключается в стремлении преуменьшить внутренние различия ради единства, отличающего данную группу от остальных. При этом своеобразие является «скользящим» фактором, суть которого заключается в том, что

внутреннее единство группа приобретает лишь при соотнесении с аналогичными социальными образованиями. В то же время внутри социальной группы единство оказывается кажущимся и каждая подгруппа стремится подчеркнуть собственное своеобразие. Индивид становится носителем нескольких идентичностей, актуализация одной из которых оказывается связанной с тем уровнем, на котором функционируют данные социальные группы (межгосударственный, национальный, региональный и т.д.)⁹.

Политическая идентичность, отчетливо проявляющая себя на межгосударственном уровне, оказывается утраченной при разрешении конфликтов, протекающих на внутригосударственном уровне, например, при столкновении различных социальных или национальных групп. Долговечность социальной памяти проявляется в стремлении предельно отдалить момент возникновения данной социальной группы и представить ее существование как линейное, протекающее непрерывно – от зарождения до нынешнего состояния.

Стремление представить последовательность изменения российского социального пространства, ориентируясь исключительно на территориальную преемственность и постулируемое культурное (прежде всего, религиозное) единство, приводит к выстраиванию линейной и безальтернативной концепции исторического процесса. В ней советское прошлое сводится к универсальным социальным практикам, реконструкция которых вписывается в общий модернизационный проект.

Таким образом, пространственный анализ социальной памяти в качестве ресурса модернизационных изменений позволяет выделить следующие существенные характеристики обращения к прошлому:

1) модернизация представляет собой ориентацию на определенный технологический, экономический и социально-политический уровень развития, достигнутый в результате осуществления аналогичных процессов в Западной Европе. С этой точки зрения, модернизационные процессы в России обладают рядом существенных отличий;

2) основным ресурсом российской модернизации является не будущее, а прошлое, причем использование социокультурного потенциала социальной памяти заключается не в обращении к конкретным формам (прежде всего, советским) социальных практик, а в использовании ностальгических общественных настроений для конфигурации общественного устройства, в рамках которого конкретные топосы прошлого утрачивают свою индивидуальную значимость, приобретая универсальное символическое значение;

3) в основе стратегии обращения к прошлому находится не конкуренция альтернативных концепций исторического развития, а доминирование политического дискурса, обосновывающего

своеобразие модернизационного проекта России путём обращения к тем моментам исторического развития, которые демонстрируют превосходство её цивилизационных характеристик над основными политическими конкурентами;

4) исходя из этого, целью модернизации в России является не достижение уровня развития, свойственного модернизированным западноевропейским обществам, а легитимация существующего социального и политического порядка, сознательно противопоставляемого альтернативным формам социального бытия. Используемая стратегия конфигурирования пространства памяти может быть названа *имперской* в силу того, что единство отдельных топосов прошлого достигается за счет поиска исторических оснований централизации и универсализации современного российского социального и культурного пространства.

Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Духовно-нравственные основы межкультурного диалога России и Китая в условиях глобализации» (№ 12-33-09003).

Примечания

- 1 См.: Гавров С. Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2004. С. 23.
- 2 Калинин И. Археология национального знания // Неприкосновенный запас. 2012. № 1. С. 15.
- 3 Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999. С. 100–101.
- 4 Гавров С. Н. Указ. соч. С. 7.
- 5 Копосов Н. Е. Память строгого режима. История и политика в России. М., 2011. С. 13–14.
- 6 Там же. С. 20.
- 7 Калинин И. Ностальгическая модернизация : советское прошлое как исторический горизонт // Неприкосновенный запас. 2010. № 6. С. 24.
- 8 См.: Halbwachs M. The Collective Memory. N.Y., 1950. P. 48–49.
- 9 Ср. понятие «supra-identity» у А. Янова (см.: Янов А. Цивилизационная неустойчивость России // Неприкосновенный запас. 2003. № 3. С. 112–117).

УДК 008.001

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО МАЛОГО ГОРОДА: ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ МЕНТАЛЬНЫХ КАРТ ГОРОДА БУЗУЛУКА

Н. В. Барабошина

Бузулукский гуманитарно-технологический институт
(филиал) Оренбургского государственного университета
E-mail: baraboshina@mail.ru

Статья посвящена определению специфики социокультурного пространства малого города Бузулука, расположенного на границе Оренбургской и Самарской областей. Использована методика ментальных карт, которая позволяет через фиксацию физических объектов городского пространства воспроизвести и структурировать социокультурное пространство города и значимое пространство личности в этом городе.

Ключевые слова: малый город, пространство малого города, форма города, городская среда, ментальная карта, публичная сфера, приватная сфера, креативное городское пространство.

Sociocultural Space of a Small town: Studying Experience of Buzuluk Mind Maps

N. V. Baraboshina

The article deals with the problem of the sociocultural specific of a small town Buzuluk located on the border of Orenburg and Samara regions. The author describes an actual technique of mind maps which allows to

reproduce and structure sociocultural space of the town and significant space of the personality in it through fixing of physical objects.

Key words: small town, space of the town, town form, urban environment, mind map, public sphere, private sphere, creative town space.

В наше время в эпоху глобализации российские города стали местом концентрации новых экономических, политических, социокультурных процессов. В связи с глобализационным сжатием «пространства и времени»¹ пространство отдельного города все более теряет свое значение. Исследователи предполагают, что социокультурные трансформации в городах заданы требованиями транснационального капитала (ТНК), мировой торговли. Глобальные города стали базами для международных операций ТНК, «командными пунктами» крупных финансовых